

კორნელი კეკელიძე, ეტიუდები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან, ტ. XII, თბილისი, 1973/4, 310 გვ., ფასი 2 ზან. 50 კაპ.

К. С. КЕКЕЛИДЗЕ, *Этюды по истории древнегрузинской литературы*, т. XII, Тбилиси, 1973/4, 310 стр., цена 2 руб. 50 коп.

კორნელი კეკელიძე, ეტიუდები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან, ტ. XIII, თბილისი, 1974, 303 გვ., ფასი 2 ზან. 12 კაპ.

К. С. КЕКЕЛИДЗЕ, *Этюды по истории древнегрузинской литературы*, т. XIII, Тбилиси, 1974, 303 стр., цена 2 руб. 12 коп.

За 60 лет своей плодотворной научной деятельности один из крупнейших грузинских ученых академик К. С. Кекелидзе, кроме капитальной «Истории грузинской литературы» и отдельных выпусков изданных им текстов агнографической и литургической литературы, написал и опубликовал несколько десятков статей и монографий по самым различным вопросам истории и истории культуры средневековой Грузии и стран христианского Востока. Будучи ученым широкого диапазона, отлично зная историю и литературу сопредельных с Грузией стран по первоисточникам, обладая большим талантом исследовательской работы, академик К. С. Кекелидзе поднял отечественную востоковедческую науку на новую ступень.

К концу жизни ученый приступил к многотомному изданию опубликованных им в разное время статей—исследований под общим (и несколько условным) названием «Этюды по истории древнегрузинской литературы», собственноручно подготовив к печати девять томов (1945—1963), два из которых (тт. VIII и IX) вышли в свет посмертно.

В подготовке работ к печати ему помогали его ученики, в частности, профессор С. И. Кубаненшвили, который с 1962 г. взял на себя не только завершение публикаций готовых томов, но также составление и подготовку последующих выпусков. В 1974 г. им были выпущены два тома—XII и XIII, с учетом тех поправок, которые вносил автор в экземпляры своей библиотеки.

Издание очередных томов «Этюд» К. С. Кекелидзе продиктовано не только и не столько желанием свести воедино печатное наследие ученого, сколько научной важностью издаваемых работ, многие из коих послужили толчком и даже источником

для новых востоковедческих изысканий. Сегодня трудно представить серьезную грузиноведческую работу без учета трудов, включенных в «Этюды» К. С. Кекелидзе.

Из работ XII тома прежде всего следует отметить статью «Литературные источники Леонтия Руисского (Мровели)», где определены и уточнены почти все основные первоисточники (армянские, персидские, греческие, грузинские). К. С. Кекелидзе устанавливает три армянских источника, нашедших отражение в сочинении Руисского, а именно: пространная греческая редакция «Истории» Агафангела (а не метафрастная, как полагал профессор Л. М. Меликсет-Бек), «Мученичество Рипсимянок» (впоследствии оно включено в «Историю» Агафангела, наличие же отдельного грузинского перевода подтвердилось изданием профессора И. В. Абуладзе). «История Армении» Хоренаци, которая по заключению Кекелидзе, «значительно повлияла на нашего историка, дав ему как рамки и план для его исторического труда, так и несколько содержания и некоторые детали...» (стр. 13). К. С. Кекелидзе считал, что основное достоинство Леонтия Руисского заключается «в литературной ценности его труда, содержащего образцы древнейшего народного эпоса и отрывки переведенных в древности сочинений» (стр. 31). Нужно отметить, что современная грузинская историография несколько расходится с данной оценкой.

Две последующие работы К. С. Кекелидзе посвящены проблемам руставелологии. Первая из них называется «Социально-политическое и культурное состояние Грузии в эпоху Руставели» (стр. 32—50), вторая—«Автор Вепхисткаосани и время его написания» (стр. 51—82). Ученый подробно

анализирует процесс объединения грузинских политических единиц и превращения этнического названия «Картли» в культурно-политический термин «Сакартвело» с X в. В XII—XIII вв. грузинская монархия стала до того могущественной, что, по словам Гандзакеци, даже в Иерусалиме грузины не платили никакой подати (стр. 34). грузинское же духовенство с XI в. пользовалось институтом «патриархата», проводя «у себя принцип церковной централизации наподобие светской» (стр. 36). Особенно интересны наблюдения ученого о «патриархате», ознаменовавшем новую фазу в развитии социально-политической жизни страны. Новые факты всецело подтверждают заключения К. С. Кекелидзе. Характеризуя эпоху Тамар по источникам, он заключает, что «конечно, нам необходимо критически относиться к восторженным свидетельствам старых историков-летописцев, явно идеализировавших грузинскую действительность времен царицы Тамар. Но несомненно, что ... экономическая мощь грузинской монархии достигла тогда максимального развития» (стр. 38). К. С. Кекелидзе особо подчеркивает значение двух мировых культур—«западный византизм и мусульманский ориентализм, скрещивающиеся у подножья кавказских гор». По его определению возникшее в этот период в Грузии желание культурно уподобиться Византии привело к переоценке и ревизии всей прошлой литературной жизни.

В указанной второй работе («Автор Венхисткаосани...»), опубликованной в 1931 г., К. С. Кекелидзе приходит к оригинальным выводам: автором поэмы он считает не Руставели, а Саркиса Тмогвца, а временем ее написания—монгольский период, а не эпоху Тамар. Первое заключение ученого им же самым впоследствии было пересмотрено (это видно и из предыдущей статьи), второе он оставил без коррективы и во II томе «Истории грузинской литературы».

В XII том «Этюдов» включены также «Памятники древнегрузинской агнографической литературы». Этот труд представляет собой русский перевод, вступительные статьи и примечания трех древнегрузинских сочинений—«Мученичество Шушаник» (стр. 83—103), «Мученичество Або Тбилели» (стр. 104—128) и «Житие Сералиона Зарзели» (стр. 129—163). Помимо литератур-

но-эстетических достоинств, эти сочинения V—X вв. служат источниками по истории и истории культуры средневековой Грузии.

Академик К. С. Кекелидзе неоднократно писал о важности изучения и издания памятников агнографической литературы. И естественно, что именно он, будучи первоклассным специалистом древнегрузинского и церковнославянского языков, взялся за перевод указанных памятников, сделав их достоянием широкого круга ученых и читателей. Адекватность и достоверность его переводов ставит их в один ряд с переводами Н. Я. Марра.

Примечательно, что К. С. Кекелидзе зачастую переводил из им же изданных критических текстов. Один из сложнейших текстов свода «Картлис цховреба» — это пространная «История и восхваление венценосцев», над толкованием отдельных мест которого потрудились не одно поколение грузиноведов. На сей день изданный академиком К. С. Кекелидзе текст остается самым исправным, как и представленный в XII томе перевод этого сочинения (стр. 164—232). «Источник этот,—пишет К. С. Кекелидзе,—важен не только сведениями о литературных фактах, содержащихся в нем, но и общим впечатлением в пользу изысканно-разнообразной культуры и образованности грузинского общества указанной эпохи» (стр. 167). Ученый установленный им текст назвал «опытом», хотя уверенно можно сказать, что он решил множество неясных вопросов в истории Грузии и сопредельных стран в эпоху Георгия III и Тамар.

За годы своей научной деятельности К. С. Кекелидзе, непрерывно изучавший богатые фонды собраний грузинских рукописей, выявил не один десяток новых авторов и еще больше—неизвестных сочинений. Из числа таковых в рецензируемом XII томе «Этюдов» представлен Мартвирий Грузин, настоятель Лавры Саввы Освященного в Палестине (VI—VII вв.), автор сочинения «О покаянии и смирении». Ученый устанавливает личность автора, определяет его время, подтверждает оригинальность его сочинения, уточняет место этого памятника в истории восточной мистико-аскетической литературы. К. С. Кекелидзе акцентирует на тот факт, что в центре восточного монашества нередко можно встретить спод-

вижников, книжников, а то и настоятелей негреческого происхождения, в частности грузин и армян. Так, по свидетельству Кирилла Скифопольского, каппадокийский армянин Софроний был избран настоятелем в Лавре Феодосия Великого, а в Лавре Саввы «еще при жизни ее основателя» пользовались известностью армяне Иеремия и Павел. Немало было и грузин: Антоний (пресвитер храма Воскресенья в Иерусалиме), Георгий, митрополит Никомидийский, Евфимий Афонский, Иларии Донаури, Феофил, митрополит Тарсийский и т. д. Сочинение Мартвирия Грузина фактически является первым оригинальным грузинским произведением данного жанра, изложенным «чистым, естественным, выдержанным и во всех отношениях отделанным классическим грузинским языком» (стр. 272). Анализ сочинения Мартвирия может служить хорошим примером для оценки аскетическо-мистической литературы.

XII том «Этюдов» завершается публикацией «Предисловия» ученого к «Древнегрузинскому Архиератикону» (1912 г.). О ценности этого литургического памятника К. С. Кекелидзе писал еще в 1908 г. Именно этим памятником устанавливается, что до литургии Кесаринского и Златоуста в грузинской церкви, как и иерусалимской, принята была литургия апостола Иакова. «В X столетии,—пишет автор,—когда сношения грузинской церкви с константинопольской достигли наивысшей точки напряжения, в Грузии появляются впервые литургии константинопольской редакции...» (стр. 283). Исследователь выявляет в грузинском тексте некоторые арменизмы лексического характера и то, что молитва «Иже облачен в свет, как в одежду» читается «при обличении священника по чину литургии св. Григория, просветителя армян» (стр. 286). Все это результат армяно-грузинского церковного единства, а не доказательство перевода памятника с армянского; перевод сделан с греческого, как это доказывает К. С. Кекелидзе.

По сообщениям древнегрузинских источников, учениками Микела Парехского было составлено его «Житие». Несомненно, в нем можно было бы найти множество важных сведений о церковно-культурной деятельности в областях Самцхе и Кларджети, о сподвижниках Григория Хандзтий-

ского и самого Парехского. Но этот памятник утерян, поэтому К. С. Кекелидзе на основании отрывков из «Житий» Хандзтийского и Серапиона Зарзминского дал литературный монтаж «Жития», соблюдая нормы и манеры хорошо ему известной агнографической литературы. XIII том «Этюдов» открывается публикацией указанного жития (стр. 6—10). Особую важность представляют последующие две статьи—«Оригинальный грузинский труд Евфимия Афонского» и «Оригинальный греческий труд Евфимия Афонского» (стр. 11—25). Благодаря выявленным текстам становится известным, что литературная деятельность Евфимия не ограничивалась переводами с греческого и на греческий, хотя переводы эти, как установлено самим Кекелидзе, отличаются большой вольностью и творческой интерполятивностью переводчика. Одним из ценителей и наставников переводческой деятельности Евфимия был хорошо известный Давид Куропалат, который заказывал также переводы с арабского на армянский.

К. С. Кекелидзе не упускал из виду и литературную деятельность грузинок в XVIII в., среди которых заметное место принадлежит «превосходному каллиграфу», поэтессе Макринэ (первая половина XVIII в.). Ученый считает ее второй поэтессой, творившей гимнографические сочинения (первая—византийская поэтесса IX в. Касия). В приложении к статье опубликованы тексты песнопений Макринэ (стр. 35—34).

Перу К. С. Кекелидзе принадлежат несколько исследований по истории календаря (в частности, церковного). В рецензируемом томе помещена одна из таких работ, весьма значительная как для понимания древнегрузинского церковного календаря до X в., так и для армяно-грузинских церковно-литературно-культурных взаимоотношений. При разборе девяти периодов ритуального календаря (начало—21 декабря) Кекелидзе подробно останавливается на источниках и принципах их деления. Шестой период, например, начинается «пришествием духа» и кончается днем памяти Афеагина (49 дней). Выявляя пережитки культа Афеагина в Грузии, К. С. Кекелидзе приходит к выводу, что «Атенагоба» считалась одним из великих и популярных праздников в Грузии. В Армении, устанавливает ученый, впоследствии место Афеагина за-

нял праздник «Вардавар». «Таким образом,—заключает Кекелидзе,—мы видим, что праздник Афенагина—это древнейший остаток культурно-ритуальной общности Грузии и ее связи с Арменией и вообще христианским Востоком» (стр. 60). Сама же практика семинедельной периодизации (с 4 по 9) является доказательством связи грузинской церкви, церковного календаря и вообще книжно-культурной жизни с Сирией, Палестиной, Месопотамией, Арменией и Ираном.

Некоторые стороны этой связи подробно рассматриваются при изучении «Иерусалимского Канонаря», грузинский текст которого издан, переведен и исследован самим академиком К. С. Кекелидзе. При определении состава памятника, образовании грузинской его редакции, времени и источника перевода, его научного значения и т. д. разрешены десятки вопросов историко-культурного характера. С. И. Кубаненшвили в XIII том «Этюдов» включил лишь «Введение» труда Кекелидзе, но желательно было воспроизвести и текст.

Во второй части книги собраны и сведены небольшие газетные статьи, обращения, уточнения, заявления, выступления и другие работы К. С. Кекелидзе. Конечно, и тут много примечательного и нового (часть их особенно пригодна для составления летописи жизни ученого и монографии о нем). В этих заметках, например, много

говорится о вопросах руставелологии, о Фирдоуси и Гянджеви, о Вахтанге VI и Гурамишвили, о Бараташвили и т. д. Характеризуя, например, поэзию Саят-Новы, К. С. Кекелидзе пишет, что ашугская поэзия, несомненно, «с начала же существовала и в Грузии: ведь и Руставели подтверждает наличие стиха «санадимо», «самгерало», «саашико» и «салагобо» (стр. 134).

В XIII том «Этюдов» включены и «проекты планов» новых монографий, из которых видно, что К. С. Кекелидзе намеревался изложить «Историю грузинской общественной мысли» (стр. 244—253), «Историю грузинской философии» (стр. 254—259) и многое другое.

Научное наследие К. С. Кекелидзе убедительный пример «служения только выявлению исторической истины». Заключение его базировались «на твердых и проверенных исторических фактах». Как писал А. Г. Шанидзе, «профессор К. С. Кекелидзе по размаху своих работ, по выявлению первоклассных литературных памятников, по анализу развития путей грузинской литературы является крупнейшим ученым» («Заря Востока», 7.VI 1959, № 130). Наследие К. С. Кекелидзе высоко ценится и в арменистике; к 100-летию со дня рождения ученого планируется издать однотомник его «Избранных сочинений».

П. МУРАДЯН